

Научная статья
УДК 3-39
doi: 10.17223/15617793/515/14

Категория «границы» в российской этнографии*

Ирина Вячеславовна Октябрьская¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, siem405@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена методологии российской этнологии XIX–XX вв. Ее цель состоит в том, чтобы на материалах гуманитарного дискурса обозначить место категория «границы» в этнокультурных исследованиях. Границы – это международно-правовой институт, обеспечивающий суверенность и целостность государства. Они являются факторами геополитической, этнической и национальной идентичности. Категория «границы» включена в арсенал междисциплинарных подходов, описывающих реалии многонациональной России в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: история российской этнографии, категория «границы», междисциплинарные исследования

Для цитирования: Октябрьская И.В. Категория «границы» в российской этнографии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 122–127. doi: 10.17223/15617793/515/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/14

The category of "borders" in Russian ethnography

Irina V. Oktyabrskaya¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, siem405@yandex.ru

Abstract. The article is an expanded version of the report presented at the XVIII International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference in 2024. It discusses the methodology of Russian ethnology of the 19th – early 21st centuries. Its aim is to use the materials of humanitarian discourse to identify the place of the category "borders" in ethnocultural studies of Russia. For Russia, which had one of the longest borders by the end of the 19th century, the methods of its assessment were very actively mastered. The article shows how the approaches of European anthropogeography, reinterpreted within the framework of Russian land studies, influenced the nature of the study of peoples and their territories. During the geopolitical transformations of the twentieth century, the principle of assessing the territory as the most important feature and factor of self-determination of the people was laid down as the basis for the political practices of the Soviet state and mapping practices. This approach was consistent with the theory of ethnos, which was developed by Russian and then Soviet ethnographers from the beginning of the twentieth century. The definition of an ethnic group, which by the 1960s became the methodological basis of Soviet science included the territory among its main features. Based on this theory, the research was associated with the identification of cultural and linguistic complexes localized in time and space; at the same time, the ratio of natural, ethnic, cultural and political boundaries was mobile. In Russian ethnology, by the beginning of the 21st century, borders were assessed as an expression of national sovereignty and regional identification, but their integration functions were widely discussed. At the same time, concepts such as "limits", "limitrophe", "frontier" appeared in research, denoting zones of cross-border interactions. In the development of the topic, the article considers the adjustment of methodology based on a constructivist approach: the category of "borders" is interpreted through the prism of the differentiating potential of socio-cultural markers. Within the framework of the anthropology of the movement, which has been developed in Russia since the 2000s, ethno-historical studies took into account the dynamic nature of borders. As a result, the article concludes that the category of "borders" in the ethnography/ ethnology of Russia has a multidimensional character. Borders are recognized as an international legal institution that ensures the sovereignty and integrity of the State; they are factors of geopolitical, ethnic and national identity. In modern science, the category "borders" is included in the arsenal of interdisciplinary approaches describing the realities of a multi-ethnic Russia in the past and present.

Keywords: history of Russian ethnography, category "borders", interdisciplinary research

For citation: Oktyabrskaya, I.V. (2025) The category of "borders" in Russian ethnography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 122–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/14

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

В современной науке категория «границы» претендует на общенаучный, философский уровень. Она проецируется на многие сферы бытия. Попытка проследить становление и развитие этого направления в этнографии/этнологии России в историческом контексте определяет содержание данной работы. Ее цель состоит в том, чтобы обозначить место категории «границы» в этнокультурных исследованиях в динамике в связи с изменениями общественно-политических ценностей, в контексте развития отечественного гуманитарного дискурса.

Известно, что в политических практиках России термин «граница» начал употребляться с XIV в.; был актуализирован в XVIII в. в ходе становления системы управления империей. В этот период историю страны определяло территориальное расширение за счет стихийных и организованных колонизационных и миграционных процессов. Границы государства, делимитация и демаркация которых осуществлялась на протяжении XIX в., обозначали пределы суверенитета, определяли территории, которые были объектами охраны и налогообложения; структурировали природные и человеческие ресурсы. Сложной была система внутренних рубежей, сформированных на административно-правовой основе. Изменения состава территорий и их народов делали проблему границ особенно актуальной.

Интерес к этой теме рождался из практик освоения огромных пространств Российской империи. Задачи ее описания взяло на себя созданное в 1845 г. Русское географическое общество. Оно задумывалось как географо-статистическое отделение при Министерстве внутренних дел и свою деятельность начинало с издания «Этнографического атласа Европейской России» 1848 г. и «Этнографической карты Европейской России» 1851 г. Карты готовились с учетом отечественного и мирового опыта. В 1843–1848 гг. в России были переведены и изданы «Славянское народописание» и «Славянские древности» директора библиотеки Пражского университета, одного из основоположников панславизма П. Шафарика. Он говорил о демаркационных линиях – о рубежах, которые определялись, главным образом, по языковым признакам и данным о расселении народов. При определенных неточностях выводов П. Шафарика в 1857 г., по представлению ИРГО, ему был пожалован российский орден Св. Анны 2-й степени.

Для России, имеющей к концу XIX в. протяженную внешнюю границу, методология ее оценки имела очень большое значение и была связана со становлением антропогеографии. В этой области в Европе сложилось несколько национальных школ, оказавших влияние на российский общественно-политический дискурс и науку. Одним из наиболее популярных в России авторов был профессор Лейпцигского университета Ф. Ратцель. В переводе на русский язык вышли его работы: «Политическая география» в 1897 г., «Народоведение» в 1901 г., «Земля и жизнь: сравнительное земледоведение» в 1903–1906 гг.

В «Политической географии» Ф. Ратцель размышлял о том, что каждый народ, как и государство, имел

собственную модель развития, которую задавали векторы и границы «жизненного пространства». В целом эта концепция соответствовала принципу «один народ – одна территория – одно государство», служившего ориентиром в политическом устройстве Европы XIX в. По Ф. Ратцелю: «Народ представляет собой органическое существо, которое, развиваясь путем работы отдельных лиц, все теснее срастается с территорией и вовлекает ее в процесс развития. Поэтому наряду с ростом государства вширь идет и его рост вглубь... Для политической географии каждый народ, таким образом, является живым телом на неподвижной, по существу, территории, из которой он извлекает средства для жизни и к которой он, кроме того, привязан духовными отношениями. Это тело заняло известную часть земной поверхности и от других подобных же тел отделено идеальными границами, а иногда также и пустыми пространствами. Народы находятся в постоянном внутреннем движении, переходящем во внешнее движение в случае занятия новой части земной поверхности или потери занятой ими ранее» [1]. Согласно этого «органического подхода», государство (и связанный с ним народ) рассматривалось как организм с естественным стремлением к расширению жизненного пространства. Границы являлись его «периферийным органом», в котором проявлялись все изменения. Они имели подвижный характер; обозначались, но не обосновывались.

Работы Ф. Ратцеля неоднократно публиковались на страницах российского журнала «Земледоведение», редактором которого был один из влиятельных ученых России начала XX в., профессор Московского университета, географ, археолог и этнограф Д.Н. Анучин. Народы рассматривались им в неразрывной связи со средой обитания. Реконструкция их древней истории опирались на единство географических, археологических, антропологических и этнографических изысканий. Границы расселения народов и распространения культур оценивались в контексте стратегий адаптации.

Системная характеристика народонаселения Анучина Д.Н. воплощалась в концепции антропосферы [2]. Она формировалась на основе типологических (историко-культурных) обобщений, итогом которых стала теория этноса. Ее становление связывали с именами Ф.К. Волкова и Н.М. Могилянского – теоретиков и практиков украинской суверенности начала XX в. Ориентируясь на методы этнографии, антропологии и антропогеографии, они, кроме прочего, учитывали достижения исследователей славянского мира. Большим авторитетом в этих кругах пользовался Л. Нидерле, профессор, ректор Краковского университета, член Королевского чешского научного общества, а также Петербургской Академии наук и Русского географического общества. Взгляды ученого на историю и культуру славян были представлены в цикле работ «Славянские древности». В них он обозначал области, компактно заселенных тем или иным народом; ввел для их обозначения понятие «этническая/этнографическая граница» («народописная» в чешск. яз.). Важными факторами границы служили язык и древность освоения; учиты-

вались также физический облик и исторические предания, характер быта и пр. Работы чешского ученого соответствовали теории и практике картирования, активно развивавшегося в Европе и России с середины XIX в. на основе преимущественно ареального подхода. В 1898 г. в переводе Ф.К. Волкова при поддержке Д.Н. Анучина в России со значительными дополнениями была опубликована работа Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель» [3].

С большим вниманием в Европе и России относились к работам представителя балканской школы антропогеографии – ректора Белградского университета, а позже президента Сербской академии наук И. Цвийича. Его исследования были обобщены в издании «Балканский полуостров». Оно вышло в 1918 г. на французском, а затем на сербском языке. В этой книге ученый представил анализ «зон цивилизации» Балканского полуострова. Именно этот регион в начале XX в. стал эпицентром конфликта, который обернулся мировой войной 1914 г. В развитии трагической ситуации произошел передел территорий и был запущен процесс самоопределения многих народов, изменивший границы не только Старой Европы, но и всей Евразии.

В ходе Первой мировой войны внимание властей и исследователей России было приковано к менявшейся структуре мира. В 1917 г. в ответ на вызовы современности была создана Особая комиссия для исследования племенного состава пограничных областей России. Свою работу она начала уже при поддержке советского правительства; в ходе революционных преобразований дважды была переименована – в 1924–1929 гг. работала в формате Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Ее деятельность была связана с созданием в 1922 г. СССР, с процессами суверенизации в контексте советизации постимперского пространства.

В духе этого проекта проходила подготовка Приполярной переписи 1926–1927 гг. Она была призвана дать системную оценку народонаселения Севера. Также в 1926 г. проводилась Всесоюзная перепись населения. Она включала указание народа, родного языка, места рождения, продолжительности проживания в месте переписи и т.д. Итоги переписи публиковались в 1927–1933 гг. В 1927 г. в АН СССР был издан официально утвержденный «Список народностей Союза Советских Социалистических Республик». В нем были названы около 200 народов с указанием основных регионов их расселения.

Результаты этих работ были учтены в ходе национально-территориального размежевания формировавшегося советского государства. К 1930-м гг. были определены границы и статус различных его автономий. Они менялись в течение XX в., но неизменным оставался принцип оценки территории как важнейшего признака народа и фактора его самоопределения.

Реализованный в ходе практик социалистического строительства этот подход был созвучен теории этноса, концептуально оформленной в 1920-е гг. этнографом и востоковедом С.М. Широкогоровым. Его

профессиональное становление было связано с Парижской Сорбонной и Санкт-Петербургским университетом; карьера этнолога – с университетами Китая. Опираясь на прикладные и теоретические изыскания, С.М. Широкогоров определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, объединенных верой в общее происхождение и обладающих культурой, отличной от других. Как живой организм этнос находился под влиянием природно-ландшафтной – первичной среды, вторичной культурной среды и межэтнического окружения [4].

И хотя до 1950-х гг. теория этноса была исключена из методологии советской этнографии, картирование этно-специфических маркеров в привязке к территориям имели большое значение. Они осуществлялись, начиная с 1930-х гг., в рамках этногенетических исследований с участием археологов и этнографов. Однако предметом специального анализа границы не являлись. В фокусе российской науки они оказались в ходе и по итогам Второй мировой войны в связи с реструктуризацией политического пространства Европы и СССР. В 1941 г. в Институте этнографии АН СССР была создана группа по изучению этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы; в 1944 г. – сектор этнографической статистики и картографии. В марте 1945 г. его руководитель П.И. Кушнер защитил кандидатскую диссертацию «Западная часть литовской этнографической территории», значение которой определяло включение прибалтийского региона и современной Калининградской области в состав СССР [5. С. 144].

В развитие темы по решению Президиума АН СССР в ноябре 1945 г. для изучения границ, исторического и культурного пространства славянского мира в экспедицию на Балканы были отправлены ведущие археологи и этнографы страны – П.Г. Богатырев, С.А. Токарев, А.В. Арциховский, В.И. Равдоникас, В.А. Рыбаков. Весной 1946 г. С.А. Токарев вошел в состав международной комиссии по установлению итало-югославской границы в регионе Юлийской Краины и Триеста [6. С. 36, 43]. Сегодня эта историческая область поделена между Италией, Словенией и Хорватией. Делимитация и демаркация границ, разделивших регион, растянулись на несколько десятилетий. Участие российских ученых в оценке пограничной ситуации позволило перевести в практическую плоскость разработку методов к определению этнических границ в их отношении к естественным и политическим границам на основе комплексной (этнологической) экспертизы. В рамках этой темы П.И. Кушнер опубликовал серию работ; в 1951 г. защитил докторскую диссертацию «Этнические территории и этнические границы», где дал характеристику этих понятий в связи с проблемами этногенеза и этнонационального развития. В 1952 г. возглавляемый им сектор перестал существовать, но исследование этнических границ продолжалось [5].

В 1950-е гг. и в СССР, и в странах Европы разворачивалась масштабная работа над составлением национальных атласов. Методологическим основанием советских практик картирования стали обобщения

П.И. Кушнера. Он опирался на опыт статистиков, географов и этнографов России и европейских стран XIX – начала XX в., в том числе на работы славистов П. Шафарика, Я. Гусека и Л. Нидерле, немецкого статистика Р. Бека и польского – А. Закржевского, русского палеографа и этнографа, ректора Императорского Варшавского университета Е.Ф. Карского и др. Проанализировав известные методы и подходы в оценке этнических границ, П.И. Кушнер пришел к выводу, что их нельзя отождествлять с естественными рубежами; этнические границы не совпадают с четкими линиями политических рубежей, часто имеют размытый, прерывистый характер, особенно в зонах со смешанным народонаселением; поэтому мажоритарный принцип не является эффективным в их типировании – он может показать лишь срединную линию «национального равновесия»; и, соответственно, в решении пограничного вопроса важную роль играют комплексные исследования особенностей сложного по этническому составу сообщества. При этом конфигурация этнических рубежей имеет динамичный характер, зависит от хода исторического развития и характера межэтнических отношений [7, 8]. Следовательно, делал вывод П.И. Кушнер, линейный принцип определения границы малоприменим к современным этнографическим (этнокультурным) картам. Их композицию может определять метод выявления удельного веса группы в пределах, возможно, более мелких административных территорий [7. С. 31]. На практике этот подход был реализован при подготовке фундаментального издания «Численность и расселение народов мира» 1962 г. и ряда других академических справочников.

Теоретические выводы и практические разработки П.И. Кушнера и его коллег стали частью международной программы картирования послевоенного мира. В 1953 г. координацию работ в этой сфере взяла на себя Постоянная комиссия по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран. При ее участии в 1964 г. в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве был проведен симпозиум по методике картирования. Одним из основных в ходе его проведения стал доклад С.И. Брука об «Атласе народов мира», составленном в ИЭ АН СССР, его положения были повторены в серии работ 1960–1970-х гг. Признавая связь народа со средой обитания, подчеркивая динамичный характер ее освоения и подвижность границ расселения, среди всех техник картирования С.И. Брук выделял уже сложившийся ареальный метод: размеры, конфигурации, разорванность, или компактность ареалов позволяла судить о специфике историко-культурных процессов на микро, мезо и макроуровне [9].

Дальнейшее развитие этнографического картирования в России было связано с теорией хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которая была изложена М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым в журнале «Советская этнография» 1955 г. Она разрабатывалась в связи с концепцией этноса, актуализированной лидерами советской этнографии С.А. Токаревым, В.И. Козловым, Ю.В. Бромлеем и др.

в 1960–1970-е гг. Трудом одного из ведущих историков-балканистов Ю.В. Бромлея, с 1966 г. возглавившего Институт этнографии АН СССР, теория этноса стала основой методологии отечественной науки. Этнос рассматривался как исторически сложившееся на определенной территории устойчивое сообщество людей, обладающих общим языком, относительно стабильными особенностями культуры и осознанием своего единства и отличия от других [10]. Опиравшиеся на эту теорию этнокультурные исследования в стране были связаны с выделением культурно-языковых комплексов, локализованных во времени и пространстве и обозначенных ареалами и границами. Для этногенетических исследований был характерен ретроспективный подход, основанный на отождествлении этнокультурных сообществ и археологических культур.

При этом изначально взаимосвязь этноса и территории оценивалась неоднозначно. На эту тему В.И. Козлов еще в 1971 г. написал, что в историческом плане этнические территории и границы не являлись постоянными. Целостность среды обитания была важна как условия становления этноса, устойчивое существование которого обеспечивалось сохранением «этно-территориального ядра», сообщаясь с которым, отдельные группы могли длительное время сохранять свою культурно-языковую специфику и самосознание [11]. Представление о динамичном характере этнической территории отвечало принципам традиционного ареального подхода.

В этнокультурных исследованиях, ориентированных на этот подход, границы теряли свои барьерные характеристики. Они все чаще оценивались сквозь призму контактной функции. Все активнее обсуждались такие понятия, как «фронт» (от англ. Frontier/граница, рубеж) – порубежье между освоенными и неосвоенными землями как особая зона транскulturации; «лимес» (от лат. limes/граница) – некий цивилизационный рубеж; «лимитроф» (от лат. Limitrophus/пограничный) – буферное пространство трансграничных взаимодействий, соединяющее потенциал транскulturации с законодательной неизменностью государственных границ [12]. С развитием культурной географии было связано изучение пространственных образов как факторов создания региональной, этнической и национальной идентичности – в результате территории и границы приобретали символическую трактовку.

При этом в политической сфере границы оставались выражением национальной (этнонациональной) суверенности и геополитической идентификации. В 1975 г. СССР, все страны Европы (кроме Албании), а также США и Канада подписали Хельсинкскую декларацию, закрепившую принципы территориальной целостности государств и нерушимость границ. Но ситуация в мире менялась. С распадом СССР, объединением Германии, с разделом Югославии и Чехословакии был запущен процесс пересмотра государственных рубежей Европы.

Их конфигурация усложнялась. Одновременно глобализация, либерализация экономики, развитие систем

транснациональных коммуникаций превращали границы в зоны интеграции. В 1992 г. был подписан Договор о создании Европейского союза. Шенгенская зона свободного перемещения начала действовать с 1995 г., объединив пространства 29 государств. Стала популярной риторика «мира без границ». Но одновременно в разных частях света один за другим разворачивались территориальные, пограничные конфликты, которые часто сопровождала информационная «война карт» [13].

Противоречивые тенденции геополитического развития глобального мира определяли пристальное внимание к проблеме границ. Ее изучение приобретало междисциплинарный характер. Но базовыми оставались принципы картографии, сформировавшиеся к середине XX в. Во многих странах продолжалось издание атласов и карт. В России Национальный атлас в 4 томах (включая том о населении) выходил на протяжении 2004–2008 гг. А в 2009 г. в г. Оренбурге у восточной границы России состоялся VIII Конгресс этнографов и антропологов, главной темой которого стали «границы и культуры». В Конгрессе приняли участие исследователи из 65 городов и 52 регионов страны и 14 зарубежных государств. На его открытии прозвучал доклад директора ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН В.А. Тишкова «Три карты: физическая, административно-государственная и этническая». Он начинался с эпиграфа – определения границы португальского философа А. Мело, предложенного им в 1997 г.: «Граница – это и есть единый критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного становления» [14]. Эта формула, как и доклад В.А. Тишкова, обозначили дискурс по поводу традиционных и новых подходов в оценке естественных, административно-государственных и этнических границ.

В 2000-е гг. понятие этнической границы в российских этнокультурных исследованиях пересматривалось на основе конструктивистского подхода с использованием концепции норвежского антрополога Ф. Барта. Еще в 1969 г. он опубликовал сборник «Этнические группы и границы», где подчеркивалось значение культурных характеристик, имеющих дифференцирующий потенциал и способствующих консоли-

дации групп. Этнические границы, по Ф. Барту, представляли собой систему социокультурных маркеров. Являясь формой осознания сходств и различий группы с окружающим сообществом, они теряли свое значение как элемент картографического континуума, при этом сохраняли функцию раздела «своих» и «чужих». Освоение этой концепции сопровождало трансформацию категории «границы»: от линий – к зонам, от непреодолимых рубежей – к взаимодействию, от нормативных границ – к культурным [15]. В сложном соотношении социального, этнического, географического и геополитического пространства происходило ее осмысление на протяжении 2010-х гг. Она продолжала разрабатываться в рамках антропологии движения, концептуальные основы которого были обоснованы одним из ведущих этнологов страны, директором МАЭ РАН А.В. Головневим. В его работах, посвященных локальным и магистральным культурам Евразии, граница выступала как протяженный во времени процесс: локальные культуры формировались на основе адаптации к эколого-ландшафтной и исторической реальности, магистральные культуры являли собой механизм освоения социальных и культурных ресурсов в глобальном масштабе; они формировали сложные сообщества, которые в разные эпохи имели вид археологических культур, языковых семей, народов и государств [16].

Таким образом, категория «границы» в науке России к началу XXI в. приобрела многомерный характер. Границы соотносятся с фундаментальной структурой общества, выступают результатом общественных практик, рассматриваются как результат исторического развития; выступают как междунационально-правовой институт, обеспечивающий суверенность и целостность государственной территории и ее населения. В пространстве глобального мира они остаются факторами геополитической идентичности, в социальном пространстве – маркерами идентичности этнической и национальной [17]. Современные исследования границ – это междисциплинарная область, где используются подходы различных наук. В отечественной этнологии категория «границы» включена в арсенал исследовательских концептов, описывающих и объясняющих этнокультурные, этносоциальные и этнополитические реалии России и ее отдельных регионов.

Список источников

1. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. 297 с.
2. Анучин Д.Н. Избранные географические работы. М. : Географгиз, 1949. 388 с.
3. Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1898. 655 с.
4. Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.
5. Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1959-е годы. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. 256 с.
6. Токарев С.А. Проблемы Триеста и Юлийской Краины в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М. : Индрик, 2019. 536 с.
7. Кушнер П.И. (Кнышев) Этническая граница (к вопросу об этнических рубежах в Европе) // Советская этнография. 1947. № 2. С. 3–32.
8. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 280 с.
9. Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы // Советская этнография. 1973. № 3. С. 3–18.
10. Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1968. № 6. С. 84–91.
11. Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнология. 1971. № 6. С. 89–100.
12. Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. М. : Восточная литература, 2022. 293 с.
13. Савичева Е.М., Иванов С.А. Искаженная картография как отражение конфликтов и политических противоречий в современном мире // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11, № 1. С. 7–15.

14. Тишков В.А. Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // VIII Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 5–11.
15. Barth F. Preface // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London : George Allen and Unwin, 1969. P. 9–58.
16. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН, «Волот», 2009. 496 с.
17. Введение в исследования границ. Владивосток : Дальнаука, 2016. 426 с.

References

1. Ratzel, F. (2008) Politicheskaya geografiya [Political Geography]. In: *Geopolitika: Khrestomatiya* [Geopolitics: A Reader]. Vladivostok: Izdatelstvo VGUES.
2. Anuchin, D.N. (1949) *Izbrannye geograficheskie raboty* [Selected Geographical Works]. Moscow: Geografiz.
3. Niederle, L. (1898) *Chelovechestvo v doistoricheskie vremena. Doistoricheskaya arkhologiya Evropy i v chastnosti slavyanskikh zemel'* [Mankind in Prehistoric Times. Prehistoric Archaeology of Europe and in Particular the Slavic Lands]. Saint Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva.
4. Shirokogorov, S.M. (2002) *Etnograficheskie issledovaniya* [Ethnographic Research]. Book Two. Vladivostok: FEPU.
5. Alymov, S.S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1959-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in 1920–1959]. Moscow: IEA, RAS.
6. Tokarev, S.A. (2019) *Problemy Triesta i Yulyskoy Krayny v poslevoennom uregulirovaniy v Evrope. Dnevnik chlena chetyrekhstoronney Komissii ekspertov po provedeniyu italo-yugoslavskoy granitsy* [The Problems of Trieste and the Julian March in the Post-War Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Four-Party Commission of Experts for the Demarcation of the Italian-Yugoslav Border]. Moscow: Indrik.
7. Kushner, P.I. (Knyshev) (1947) *Etnicheskaya granitsa (k voprosu ob etnicheskikh rubezhakh v Evrope)* [The Ethnic Border (On the Question of Ethnic Frontiers in Europe)]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 3–32.
8. Kushner, P.I. (1951) *Etnicheskie territorii i etnicheskaya granitsy* [Ethnic Territories and Ethnic Borders]. Moscow: USSR AS.
9. Brook, S.I. (1973) *Istoriko-etnograficheskoe kartografirovanie i ego sovremennyye problemy* [Historical-Ethnographic Mapping and Its Contemporary Problems]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 3–18.
10. Bromley, Yu.V. (1968) *Etnos i endogamiya* [Ethnos and Endogamy]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 84–91.
11. Kozlov, V.I. (1971) *Etnos i territoriya* [Ethnos and Territory]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 89–100.
12. Mikhalev, M.S. (2022) *Velikiy vostochny limitrof: transgranichnye narody v gosudarstvennoy politike Rossii i Kitaya* [The Great Eastern Limitrophe: Transborder Peoples in the State Policy of Russia and China]. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Savicheva, E.M. & Ivanov, S.A. (2019) *Iskazhennaya kartografiya kak otrazhenie konfliktov i politicheskikh protivorechiy v sovremennom mire* [Distorted Cartography as a Reflection of Conflicts and Political Contradictions in the Modern World]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 11 (1). pp. 7–15.
14. Tishkov, V.A. (2009) *Tri karty: fizicheskaya, administrativno-gosudarstvennaya i etnicheskaya* [Three Maps: Physical, Administrative-State, and Ethnic]. In: *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov* [VIII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Abstracts]. Orenburg: Izdatelsky tsentr OGAU. pp. 5–11.
15. Barth, F. (1969) Preface. In: *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen: Oslo Universitets Forlaget; London: George Allen and Unwin. pp. 9–58.
16. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: Ural Branch. RAS; "Volot".
17. Anon. (2016) *Vvedenie v issledovaniya granits* [Introduction to Border Studies]. Vladivostok: Dalnauka.

Информация об авторе:

Октябрьская И.В. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: siem405@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Oktyabrskaya, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: siem405@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 04.01.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 04.01.2025; accepted for publication 30.06.2025.